

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-3-93-105

УДК 327.56

**ОТ «ВОЙНЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»
К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР – КОНЦЕПЦИЯ
С. ХАНТИНГТОНА И РОССИЯ В КООРДИНАТАХ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Морозов И.Л.

В статье проводится анализ современных международных конфликтов в рамках концепции «Столкновения цивилизаций» Самюэля Хантингтона. Автор отмечает, что многое из прогнозов С. Хантингтона сбылось и действительно наметились новые разделительные линии человеческой цивилизации по религиозно-культурному принципу. Однако наметилась и другая тенденция – диалог культур, проводником которой может выступить современная Россия, накопившая тысячелетний опыт взаимодействия различных этносов, конфессий и культур в рамках единого государства.

Научная цель – поиск модели мирного взаимовыгодного диалога культур в рамках современной глобальной международной системы.

Методология исследования – системный метод, теория «Столкновения цивилизаций», компаративный метод, системно-информационный анализ.

Ожидаемые результаты – рекомендации по оптимизации современного межкультурного диалога в рамках глобальной международной системы.

Область применения результатов – внешняя политика России, публичная дипломатия, программы «мягкой силы» по формированию положительного образа России за рубежом.

Ключевые слова: Хантингтон; столкновение цивилизаций; культура; диалог; постмодерн; информация; глобализация; Россия.

**FROM «WAR OF CIVILIZATIONS»
TO DIALOGUE OF CULTURES – THE CONCEPT
OF HUNTINGTON S. AND RUSSIA
IN THE COORDINATES OF THE INFORMATION
SOCIETY IN THE EARLY TWENTY-FIRST CENTURY**

Morozov I.L.

The article analyzes contemporary international conflicts within the concept of the “Clash of civilizations” of Samuel Huntington. The author notes that many of the predictions of Samuel Huntington came true and indeed there has been a new dividing line in human civilization on religious and cultural principle. However, there has been another trend – the dialogue of cultures, a conductor who can speak of modern Russia, has accumulated thousand-year experience of interaction between different ethnic groups, religions and cultures within a single state.

The scientific goal is to search for the model of a peaceful and mutually beneficial dialogue of cultures in the modern global international system.

Methodology – systematic method, the theory of the “clash of civilizations”, comparative method, system and information analysis.

Expected outputs – recommendations on optimization of modern intercultural dialogue in the framework of the global international system.

The scope of the results – Russia’s foreign policy, public diplomacy, programs of “soft power” on formation of positive image of Russia abroad.

Keywords: *Huntington; clash of civilisations; culture; dialogue; postmodern; information; globalization; Russia.*

Постмодерн как стадия эволюции человечества, трансформировал ключевые параметры цивилизации, в том числе и в геокультурной, информационной сферах [13, p. 18–45], в идеологии. Последнее проявилось в том, что рационалистические идеологические доктрины, претендую-

щие на универсализм, в новом формате перестают работать как эффективное информационное оружие или приводят к непредсказуемым для своих адептов последствиям. Ярчайшим примером является судьба классического марксизма к концу XX века. Как отмечал американский социолог Ф. Фукуяма: «Ирония состоит в том, что коммунистические общества стали приобретать постоянно растущий горизонт желаний... не приобретаемая средств удовлетворения этих желаний» [8, с. 214]. То есть в данных структурах можно констатировать победу фактора экономической апатии над политической мобилизацией. Но в политическом тупике пребывают и те силы, которые пытаются следовать фашистско-националистическим идеологиям (см. напр. работы проф. И.Н. Тарасова по националистическим движениям современной Европы [7, с. 55–57; 6, с. 70–81]). Протестные идеологемы, адепты которых сумели вовремя сделать шаг в сторону иррационализма, учета местных культур и верований (мексиканский сапатизм, российский национал-большевизм образца 90-х годов XX века), оказались более адаптивными в условиях меняющегося мира, но к настоящему времени тоже теряют своих последователей.

Высвобождающуюся мировоззренческую нишу стали стремительно заполнять политико-религиозные константы, причем в лидеры по скорости распространения быстро выдвинулся ислам. Как духовной базе целой цивилизации, исламу в этой связи не требуется глубокая идеологическая модернизация и «подгонка» под специфику текущего исторического момента. Ислам в политическом смысле проявляет себя как своеобразный каркас, который может соседствовать или даже временно вбирать в себя элементы конкурирующих идеологий, а затем вытеснять их.

В идеологическое поле исламских народов проникали концепты социализма, национализма, тренды модернизации (даже в вестернизированном варианте), периодически активизировались агрессивные разновидности учения, адаптированные к войне с колониальными режимами. Все это странным образом уживалось с кораническими традициями и даже материализовалось в государственно-политическом плане. Например, в

попытках построения исламского социализма в Индонезии и ряде стран Ближнего Востока, средневекового общества времен Мухаммеда в Афганистане, государства-ядра панисламистской революции в Иране. Несмотря на то, что все фундаменталистские государственные проекты в итоге либо потерпели крах, либо пошли на смягчение позиций, вопрос об исторической перспективе Ирана остается открытым.

Однако обнадеживающим геополитическим фактором может являться то обстоятельство, что в силу исторических и культурных особенностей у исламского мира нет стержневой страны и в ближайшее время не появится, на что обратил внимание и С. Хантингтон, трактующий этот феномен как отрицательный [9, с. 3]. Основные претенденты на геополитическое лидерство в исламском мире имеют либо неудачное периферийное географическое положение, как Турция или Индонезия, либо относительную военно-экономическую ограниченность и духовную изоляцию, как шиитский Иран, либо блокированы сильным соседом, как Пакистан. Даже Саудовская Аравия, имеющая экономические, исторические и географические предпосылки к роли лидера-интегратора исламского мира, оказалась в двойственном положении – правящая династия исповедует ваххабизм, чуждый не только большинству мусульман, но и ассоциирующийся у граждан немусульманских государств с религиозным экстремизмом.

Исходя из описанной выше современной религиозной ситуации, Россия, выступая как третейский арбитр, политический посредник и поставщик новых промышленных технологий и вооружений, может стать для многих стран исламского мира как минимум «ситуативным лидером», которому делегируют функцию защиты политических и экономических интересов от притязаний со стороны неоколониальных амбиций атлантистов. Разумеется, подобный сценарий был бы реализуем в случае серьезных подвижек в правящих элитах большинства исламских стран. Сейчас данные элиты скорее могут быть охарактеризованы даже не как нейтральные, а как прозападные по экономическим и отчасти политическим интересам. Соответственно, они прибегают к военной помощи США и других

государств НАТО, убирают с реальной политической повестки «палестинский вопрос», как теряющий актуальность на фоне стремительных процессов «цветных революций», гражданских войн и интервенций, охвативших Ближний и Средний Восток с началом XXI века.

Если прозападные элиты восточных стран будут когда-либо низложены народом и удастся избежать варианта, при котором власть переходит в руки непримиримых исламистов, отрицающих любые формы мирного сосуществования с иноверцами, Россия получит шанс к реализации изложенного выше проекта. Он хотя и содержит значительные риски, все же представляется для России более предпочтительным, чем превращение страны в западный антиисламский евразийский лимитроф. Россия должна хранить историческую память о судьбе Византии, ввиду своей недалёковидной политики утратившей политическую субъектность, оказавшейся полем соперничества между Западом и Востоком и в критический момент оставленной Западом без военной поддержки перед лицом турецкого вторжения. Католическая Европа руками Востока устранила с геополитической карты конфессионального конкурента.

Российский топос исторически не несет в себе тех черт, которые делают несопоставимыми восточный и западный менталитеты. Для Запада характерен крайний индивидуализм, вторичность государственных интересов по отношению к личностным, культ великих героев как вершителей мировой истории на фоне пассивности и политической вторичности общего массива граждан, готовность к социальным революциям, ниспровержению культурно-исторических традиций, противоречивость и конфликтность как двигатель прогресса.

Восток, в свою очередь, всегда строился на понимании социальной гармонии как преемственности власти и традиций, медленной эволюции социально-политических институтов, абсолютизацией государственных интересов над личностными, готовностью пожертвовать скоростью процесса исторического развития в пользу сохранения социально-политической устойчивости. Синтез западных и восточных цивилизаций в обо-

зримом будущем невозможен. И если Запад будет упорствовать в попытках такого синтеза, это обернется катастрофой, прежде всего для самого Запада. Проникающие в западный ореол восточные субцивилизации не станут интегрироваться через модель американского «плавильного котла», но попытаются создавать параллельные культурные, экономические, а затем и политические структуры, которые, окрепнув, неизбежно бросят вызов приютившему их «хозяину». Как отмечает С. Хантингтон: «Даже наиболее развитые общества рано или поздно сталкиваются с угрозой дезинтеграции, упадка и гибели под напором более молодых и жестоких «варварских» сил» [10, с. 34].

Исламский регион с его запасами нефти представляет настолько большой интерес для опустошившей свои недра в ходе индустриализации и технических переворотов Европы, что с ее стороны будут предприняты все возможные попытки сохранения существующего расклада сил, политической раздробленности и линий конфронтации на Востоке. Однако захочет ли пробуждающийся как политический феномен ислам довольствоваться традиционной ролью поставщика углеводородного сырья для западной цивилизации? Тем более, что с Евро-Атлантикой ислам, в отличие от поликонфессиональной России, исторически не связывают никакие культурные традиции, никакой опыт совместного мирного созидательного сосуществования, лишь многовековая холодная и горячая вражда. С. Хантингтон с присущей ему откровенностью старается привлечь внимание к этим тревожным симптомам [9].

Надо отметить, что концепция С. Хантингтона приобрела «самостоятельную жизнь» в спектре рефлексии политиков и политологов и претерпела столь серьезные метаморфозы, что в итоге получилось нечто совсем иное, нежели излагал американский политолог. К примеру, С. Хантингтон скептически относился к дихотомии «Богатый Север vs Бедный Юг», заменяя ее культурно-цивилизационной парадигмой, но именно указанная дихотомия иной раз может быть воспринята современными учеными в его ранних работах [5].

Вызвавшая интеллектуальный ажиотаж, концепция «Столкновения цивилизаций» однако не легла в основу внешнеполитического курса США. Более того, она подпала под последовательную критику со стороны мирового научного сообщества. Критики обращали внимание на демонстрацию готовности консенсуса с Западом со стороны даже наиболее ортодоксальных исламских стран (Иран) и неизбежность смягчения радикальных лозунгов со стороны тех экстремистских исламских группировок, которые все же придут к власти, поскольку им придется ориентироваться не на популизм, а на диалог с ведущими державами. В отношении Ирана это подтвердилось – в 2013 году оставил президентский пост радикальный антизападник и антисемит М. Ахмади-Нежад, прославившийся эпатажными угрозами в адрес США и Израиля, а так же скандальными акциями типа конкурса карикатур на тему холокоста. Новый президент Ирана Хасан Рухани не только сумел восстановить диалог с западными державами по ряду стратегических вопросов, до и добиться снятия большей части экономических санкций, наложенных на страну из-за ядерной программы.

Анализируя события и последствия «Арабской весны» 2010-2015 годов, можно проследить тенденцию, согласно которой силовые акции США в исламском мире по подавлению наиболее экстремистских группировок, движений и поставторитарных режимов приводят к обратному эффекту, умножая кадровую численность боевиков-исламистов и расширяя площадь контролируемых ими территорий.

Можно сделать вывод, согласно которому разрозненный и погруженный во внутренние противоречия исламский мир, сталкиваясь с широкомасштабной внешней угрозой, если и не консолидируется на уровне политических элит, то радикализируется на уровне рядовых граждан, что ведет к становлению интернациональных исламистских террористических движений. Первым с данным феноменом столкнулся Советский Союз, вводя в 1979 году войска в Афганистан. Имея качественное превосходство в вооружении и обученную по опыту Второй мировой войны

кадровую армию, для СССР оказалось невозможным установить военно-политическую гегемонию над этой исламской страной. Слишком высокими оказались для Советского Союза материальные и людские потери при переходе сопротивления местного афганского населения к партизанско-диверсионным методам войны. Последующий уход СССР из региона оставил «не у дел» десятки тысяч профессиональных боевиков-исламистов, в том числе прославившегося впоследствии как лидера «Аль-Каиды» Усаму бен Ладена [12, р. 25–51; 15, р. 18–23; 16, р. 93–121].

Военные вторжения стран Запада в исламский мир так же «идут на пользу» террористическим движениям – стимулируют их интенсивность, расширяют число adeptов, наполняют войну религиозно-политическим смыслом. Данную ситуацию мы сейчас наблюдаем на приеме «Исламского государства» (чья деятельность признана в России террористической и запрещена), захватившего за последние годы значительные территории Ирака и Сирии, взявшего под контроль анклав в Ливии. Не исключено, что уровень кровавых потерь все же вынудит единственную сверхдержаву современного мира США окончательно оставить Багдад и Кабул так же, как она в свое время оставила Сайгон. Разница будет лишь в том, что на место павшего проамериканского южновьетнамского правительства пришел режим, основанный на политической идеологии социализма. С ним все же можно было осторожно и постепенно налаживать диалог и в чем-то урезонивать вьетнамскую активность через «большого брата» - СССР. А на место проамериканских сил на Ближнем и Среднем Востоке идут экстремистские религиозные режимы, практикующие терроризм, консенсус с ними невозможен.

Современные межцивилизационные конфликты имеют в том числе и психологическую подоплеку, как и экстремизм образца прошлого века [14, р. 193–198; 3, с. 164; 4, с. 45–49]. Однако в современные межцивилизационные конфликты неизбежно вплетаются и экономические, социальные, духовные факторы. Глобальные и национальные политические процессы, происходящие в современном мире, подтвердили философ-

ско-футурологический прогноз о неизбежности перехода человечества к постиндустриальной фазе развития с ключевой ролью информационного фактора. Практика межгосударственного и внегосударственного (неструктурированные акторы политической игры типа сетевых экстремистских движений) противоборства полностью подтвердила гипотезу об информации как о новом ключевом факторе развития цивилизации и трансформаторе глобальных политических, социальных и экономических процессов.

Именно с рубежа XXI века уровень развития электронных систем интерактивной коммуникации и трансляции данных на массовые аудитории в режиме реального времени (в том числе включая глобальную сеть Интернет и различные национальные, ведомственные электронные информационные системы) получил стратегическое значение. Передовые государства успешно транслируют на весь мир свои информационно-культурные образы, составляющие основу стратегии «мягкой силы», тем же путем следуют и наиболее опасные террористические группировки [1, с. 225–228; 2, с. 93–100; 11, с. 61–70]. Информационное оружие становится определяющим фактором не только межцивилизационной конкуренции, но зачастую предreshает исход и самих военных кампаний в классическом понимании данного явления.

Учитывая данные трансформации информационно-коммуникативного пространства, уместно задуматься над вопросом о принципиальных изменениях форм и пределов политического манипулирования, применяемых современными государствами – международными технократическими гегемонами и порождаемыми ими транснациональными военными, политическими, финансовыми союзами по сравнению с тоталитарными режимами середины XX века. Классический тоталитаризм как разновидность политического режима базировался именно на реальной возможности правящей элиты фильтровать и искажать циркулирующую в политической системе информацию. В значительной степени это достигалось под угрозой применения репрессий в отношении ответственных

за информационную политику государственных служащих, причастных к работе в СМИ и на иных значимых информационных каналах.

Репрессивный ресурс советского тоталитаризма был не столько самодевлеющим параметром системы, сколько «обслуживающим фактором» в отношении всех ее сегментов, в частности, перманентная угроза и отсутствие чувства личной безопасности у работников СМИ и иных коммуникационных субъектов. На смену приходят системы управления человеческим ресурсом в информационном потоке, при которых ключевые работники СМИ материально и статусно мотивированы государством и крупными финансовыми корпорациями на формирование искаженного политико-смыслового поля в восприятии аудитории и выполняют эту работу добровольно и охотно, отбросив моральные принципы и социальные обязательства перед гражданским обществом. К сожалению, с этим негативным феноменом сейчас приходится сталкиваться как странам Запада, так и современной России.

Список литературы

1. Бородина С.Н., Васильчук Е.О. Роль субкультур в социальной мобильности молодежи в постсоветских обществах // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 225–228.
2. Васильчук Е.О. Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине // PolitBook. 2014. № 3. С. 93–100.
3. Грачев С.И., Морозова А.С. Терроризм: действительность и будущность // Современная наука и инновации. 2015. № 4 (12). С. 161–165.
4. Грачев С.И., Гасымов О.А., Попов А.С. Идеология как определяющий компонент террористической активности и антитеррористической политики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 1. № 12. С. 45–49.
5. Суслонов П.Е., Исаев А.А., Кислов А.Г. и др. Антропология деструктивности. Коллективная монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2012. 214 с.

6. Тарасов И.Н. Европейское единство: испытание Востоком // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 13. С. 70–81.
7. Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 6. С. 55–62.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 588 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.
10. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 635 с.
11. Харыбин А.Н. Террористические акты как тактика Исламского государства и последствия для российской внешней политики // Наука Красноярья. 2016. № 1 (24). С. 61–70.
12. Al-Zayyat M. The Road to Al-Qaeda: The Story of Bin Laden's Right-Hand Man. Sterling, Virginia: Pluto Press, 2004. 137 p.
13. Cyberterrorism and Information War / Patrick Hess ed. by. New Dehli: Anmol Publications Pvt. Ltd, 2002. 277 p.
14. Goldman E. The psychology of political violence // The terrorism reader. A historical anthology. London: Wildwood House, 1979. P. 193-198.
15. Heymann P.B. Terrorism, Freedom, and Security: Winning Without War. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. 210 p.;
16. Laqueur W. No End To War: Terrorism in the Twenty-First Century. New York: Continuum, 2003. 288 p.

References

1. Borodina S.N., Vasil'chuk E.O. Rol' subkul'tur v sotsial'noy mobil'nosti molodezhi v postsovetkikh obshchestvakh [The role of subcultures in social mobility of young people in post-Soviet societies]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 225–228.

2. Vasil'chuk E.O. Sotsiokul'turnoe sodержanie molodezhnogo politicheskogo radikalizma i ekstremizma na Ukraine [Socio-cultural content of the youth political radicalism and extremism in Ukraine]. *PolitBook*, 2014, no. 3, pp. 93–100.
3. Grachev S.I., Morozova A.S. Terrorizm: deystvitel'nost' i budushchnost' [Terrorism: reality and future]. *Sovremennaya nauka i innovatsii*, 2015, no 4 (12), pp. 161–165.
4. Grachev S.I., Gasymov O.A., Popov A.S. Ideologiya kak opredelyayushchiy komponent terroristicheskoy aktivnosti i antiterroristicheskoy politiki [Ideology as a defining component of terrorist activity and counter-terrorism policy]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2013, V. 1, no 12, pp. 45–49.
5. Suslonov P.E., Isaev, A.A., Kislov A.G. i dr. *Antropologiya destruktivnosti. Kollektivnaya monografiya* [Anthropology of destructiveness. Collective monograph]. Ekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2012. 214 p.
6. Tarasov I.N. Evropeyskoe edinstvo: ispytanie Vostokom [European unity: a test of East]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2007, V. 5. no 13, pp. 70–81.
7. Tarasov I.N. Pravyy radikalizm i faktory ksenofobskikh sotsial'nykh praktik v Vengrii [The radical right and xenophobic factors of social practices in Hungary]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no 6, pp. 55–62.
8. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of history and the last man]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. 588 p.
9. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 603 p.
10. Khantington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noy identichnosti* [Who are we? The Challenges to America's National Identity]. M.: OOO «Izdatel'stvo AST»: OOO «Tranzitkniga», 2004. 635 p.
11. Kharybin A.N. Terroristicheskie akty kak taktika Islamskogo gosudarstva i posledstviya dlya rossiyskoy vneshney politiki [Terrorist acts as a tactic of the Islamic state and the consequences for Russian foreign policy], *Nauka Krasnoyarskaya*, 2016. no. 1 (24), pp. 61–70.

12. Al-Zayyat M. *The Road to Al-Qaeda: The Story of Bin Laden's Right-Hand Man*. Sterling, Virginia: Pluto Press, 2004. 137 p.
13. *Cyberterrorism and Information War*: Patrick Hess ed. by. New Dehli: Anmol Publications Pvt. Ltd, 2002. 277 p.
14. Goldman E. The psychology of political violence. *The terrorism reader. A historical anthology*. London: Wildwood House, 1979, pp. 193–198.
15. Heymann P.B. *Terrorism, Freedom, and Security: Winning Without War*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. 210 p.;
16. Laqueur W. *No End To War: Terrorism in the Twenty-First Century*. New York: Continuum, 2003. 288 p.

ДАнные об авторе

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала РАНХиГС, профессор кафедры политологии ВолГУ *Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Волгоградский государственный университет* ул. Гагарина, 8, г. Волгоград, 400131, Российская Федерация; просп. Университетский, 100, Волгоград, 400062, Российская Федерация politkon@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morozov Ilya Leonidovich, Doctor of Political Sciences, Ph.D., Professor in the Department of Government and Politics; Professor in the Department of Politics *Volgograd branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Volgograd State University* 8, Gagarina Str., Volgograd, 400131, Russian Federation; 100, Universitetskiy Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation politkon@mail.ru